

Научная статья

УДК 82.091

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_141

«Что значит имя?» (по следам романа Дж. Керуака «Сатори в Париже»)

С. П. Толкачев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

stolkachov@yandex.ru

Аннотация. В статье идет речь об одном из последних романов американского писателя-битника Джека Керуака «Сатори в Париже» как о произведении, в котором прозаик превращает свою поездку во Францию с целью найти истоки своей родословной корней в экзистенциальное приключение. Попытка обрести идентичность для писателя становится как поводом для творчества, так и «сказавшимся» произведением (А. П. Бондарев), которое непредсказуемым образом превращается в одну из ярких страниц его биографии и судьбы.

Ключевые слова: писатели-битники, «сказавшееся» произведение, этнокультурная идентичность, дзен-буддизм

Для цитирования: Толкачев С. П. «Что значит имя?» (по следам романа Дж. Керуака «Сатори в Париже») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 141–147. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_141

Original article

What Does the Name Mean (following the footsteps of J. Kerouac's Novel "Satori in Paris")

Sergey P. Tolkachev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

stolkachov@yandex.ru

Abstract. The article deals with one of the last novels of the American beatnik writer Jack Kerouac "Satori in Paris" as a work in which the author turns his trip to France in order to find the origins of his ancestral roots into an existential adventure. The attempt to find an identity for the writer becomes both an occasion for creativity and a "spoken" literary work (A. P. Bondarev) which unpredictably turns into one of the bright pages of his biography and fate.

Keywords: beatnik writers, self-begetting literary work, ethno-cultural identity, Zen Buddhism.

For citation: Tolkachev, S. P. (2022). What does the name mean (following the footsteps of J. Kerouac's novel «Satori in Paris»). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 141–147. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_141

ВВЕДЕНИЕ

В одном из своих поздних романов «Сатори в Париже» (1966) американский писатель-битник Джек Керуак повествует о своей поездке в Париж в поисках следов своей родословной и о попытках творческого переосмысления природы литературного вдохновения и своего происхождения с точки зрения французской истории. В отечественном и западном литературоведении было немало попыток проанализировать прозу писателя. Так, очень интересные статьи по творчеству Дж. Керуака были опубликованы различными авторами (Ю. Ю. Васильева, А. О. Школьская, 2016; Ахмедова, 2015) и др. На Западе известны исследования Ж. Трюдо, Р. Вайнрайха и т. д. Роман Керуака «Сатори в Париже» не рассматривался подробно отечественными литературоведами, что обуславливает актуальность данного исследования. Это произведение также не анализировалось и с точки зрения природы творчества и как «сказавшееся произведение» [Бондарев, 2020] данное произведение также не анализировалось, и в этом состоит новизна нашего изыскания.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Роман Керуака «Сатори в Париже» – своего рода «путешествие на край ночи» (Л.-Ф. Селин), в котором делается попытка собрать воедино и расшифровать архетипы французской идентичности и культуры, которые Керуак «разбросал» по своей Легенде о Дулуозе, герое многих его романов, превратившемся в творческую реальность мифе всего литературного наследия американского писателя. Этот миф пронизан приемами деконструкции, которые позволяют лучше понять как смысл цели, поставленной Керуаком перед собой, так и контекст французских аллюзий и реминисценций во всей Легенде, то есть корпусе всех его романов. Процесс деконструкции, начатый в Керуаком в «Биг-Суре», достигает в романе «Сатори в Париже» своей кульминации, превращая Легенду о Дулуозе в реальные факты биографии.

В письме одному своему другу Керуак признался, что всегда хотел создать «эпос, преисполненный великой красоты и мистического смысла» [Trudeau, 2006]. Примерно двадцать лет спустя в авторском вступлении к «Биг Суру» он определит рекомендации для восприятия всего своего литературного наследия: «Мое творчество – одна огромная книга, подобная роману-эпопее Пруста. Первые издатели не разрешали мне использовать одни и те же имена персонажей в каждом

произведении, потому я менял Дулуоз на что-то другое» [Kerouac, 1962, с. 3].

Масштаб, стоящий за Легендой, переключается с литературной жизнью и странствиями писателя, стремившегося вернуться к истокам своей идентичности, которые должны были принять форму вечного возвращения к топологии воображаемого мира, ставшего отчасти реальным, отчасти легендарным. На самом деле происхождение Легенды коренится в путешествии в прошлое, которое, как считает писатель, является необходимым инструментом для деконструкции и воссоздания характера этого *homo franco-americanus* – Джека Дулуоза.

Легенда о Дулуозе – огромный творческий проект, синтезированный из историй и притч с многочисленными рассказчиками – родственниками, друзьями (дядя Майк, тетя Луиза, Мемер, Джеки), встречающимися во многих романах Керуака. Метод написания Легенды состоял в наложении друг на друга голосов и сюжетов, зачастую неправдоподобных, хотя все они способствовали тому, чтобы показать важность восстановления родословной писателя в процессе строительства им грандиозного здания своего творчества. Эта полифония монологов и топосов станет для Керуака материалом для написания семейной саги. Именно в этом наложении и переплетении историй, фантазий и семейных легенд, полных пробелов и недомолвок, Керуак собирает сплести собственную легенду и добавить свою глубоко личностную версию сказки.

В самом начале писатель располагал скудной информацией о своих предках, и он суммировал ее в письме одному своему другу 1964 года. Эти факты станут ключевыми в легенде: «Вы должны знать мою родословную: Lebris de Keroack – это то, как имя дается в «Rivista Araldica», с девизом «Aimer, Travailler, Souffrir» и «Un clous d'argent» на синем поле. «Originaire de Quebec», пионеры Квебека – и они были из Бретани – и капитан Франсуа Александр Лебрис де Керак женился в 1750-х годах на индианке, так что сегодня одна из четырех наций ирокезов называется «Кируак», а другая – «Левеск» (фамилия моей матери). Поэтому я горжусь своими предками и не буду осквернять их могилы доносами о том самом небе, под которым они страдали, в «новом свете» [Trudeau, 2006, с. 184]¹.

Изначально собранная Керуаком информация о своих предках очень скудна, и он понимает, что ему придется сначала расширить свои генеалогические изыскания, прежде чем публиковать их в «Сатори в Париже». Эта одержимость поиском своей родословной лежит в основе желания обрести

¹Зд. и далее перевод наш. – С. Т.

идентичность – как франко-американского канадца и как писателя – и подразумевает поиск значения имени Керуак / Дулуоз, его этимологии, включение его в контекст истории и возвращение во времени и пространстве к эпохе, когда легенды преобладали над историческими фактами.

Опубликованная в 1966 году книга «Сатори в Париже» представляет собой один из последних этапов создания Легенды. Это история поездки Керуака во Францию в поисках фактов о своей родословной. Роман лишен новаторских стилистических качеств предыдущих произведений писателя, выражавшихся в крайних формах спонтанности, и таит в себе интонации скрытой внутренней полемики автора с самим собой, что позволяет лучше понять не только задачи, поставленные Керуаком, но и смысл французских аллюзий во всей Легенде о Дулуозе как в своеобразном метатексте. Значение одноименного сатори как внутреннего персонального переживания, а в нашем случае – как момента творческого озарения возможно, является ключом к построению мифа, который Керуак создал в разные периоды написания своей Легенды.

Речь идет не только о поиске французской родословной и обретении подлинного имени, но и о самом процессе переосмысления французских связей. «Что значит имя?» – это шекспировский вопрос из «Ромео и Джульетты», который Керуак задает себе, и, возможно, он и едет во Францию, чтобы на него ответить. Процесс деконструкции, начатый в романе «Биг-Сур», завершает «Сатори в Париже», придавая самое важное значение созданию легендарной родословной, последним потомком которой был бы Дулуоз / Керуак, Жан Луи Лебрис, принц Бретани, как он себя толи в шутку, то ли в серьез себя называл. «Сатори в Париже» – это путешествие, в ходе которого рассказчик пытается расшифровать, переосмыслить и прояснить французские символы, встречающиеся во всех его романах, связанных сюжетно и идейно, путешествие которое должно завершиться просветлением, вынесенным в заглавие этого произведения.

На первой странице сталкиваешься с вводным замечанием автора: Случилось так, что в какой-то из десяти проведенных мною в Париже (и Бретани) дней я испытал особого рода озарение, которое, казалось, вновь изменило меня, задав направление всей моей жизни на ближайшие лет семь, а может и больше: по сути, это было сатори: японское слово, означающее «внезапное озарение», или «внезапное пробуждение...»¹.

Таким образом, читатель постепенно подготавливается к моменту озарения. Несмотря на

попытку дать ему точное определение – «сатори», японский термин может быть переведен по-разному: «внезапное пробуждение», «внезапное озарение» или даже просто – «удар в глаз».

Однако в следующей главе рассказчик подтверждает, что существует объяснение этого сатори, тайна которого действительно может быть раскрыта в свое время при одном условии: если он расскажет, что произошло с самого начала. Таким образом, автор интригует читателей, предлагая им подождать, пока они не дочитают повествование о приключении до конца и не достигнут кульминации и развязки.

Подчеркивая автобиографический характер романа, автор настаивает на том, что тема книги – «история о моих поисках этого имени [Лебри де Керуак] во Франции» – каким-то образом требовала использования жанра романа-травелога или расследования. Одержимость Керуака поиском своей генеалогии в последние годы жизни выражается в том, что он задает себе и другим многочисленные вопросы по поводу своих фамилии и имени, которые нужно идентифицировать, проверить и которым нужно придать смысл.

Пытаясь создать историю, стоящую за его именем, и сделать ее повествовательной основой романа «Сатори в Париже», автор вписывает свои поиски в свою отчасти реальную и в то же время мифологическую генеалогию и пишет свою Легенду. Загадка вокруг его имени, таким образом, не решается, а переносится в пространство вымысла. Нет никакой разделительной линии между Керуаком и Дулуозом – только загадки и мириады объяснений, придающие названиям и именам эпический масштаб.

Желание Керуака найти корни своей фамилии уже заложено в его предисловии к роману «Биг-Сур». Легенда обладает прустовским и даже балзаковским масштабом и свидетельствует о желании писателя зафиксировать ее на чувствительной пластине искусства, а, возможно, вписать ее в историю литературы наряду с великими европейскими и французскими писателями. Но прежде чем Керуак сможет запечатлеть свое имя в истории, он должен придать ему смысл, доказать, что оно существует, пусть даже не на самых главных страницах прошлого.

Неопределенность этимологии имени неоднократно подчеркивалась биографами Керуака. В частности, будущий писатель был крещен как Жан-Луи Кируак. В свидетельстве о рождении его зовут Жан-Луи Лебри де Керуак, то есть именно так, как он называет себя в «Сатори в Париже». С самого начала в фамилию просочилась ошибка, так что неправильное написание имени подтверждает

¹Зд. и далее ссылки на источник приводятся по: [Керуак, 2015].

проблему с уточнением родословной, тем самым побуждая писателя заполнить пробелы, исправить опечатки и подробно остановиться на этой дворянской частице «де». Это нечто большее, чем просто поиск имени: в этом и заключается смысл такого поиска, начиная с истоков. Дело не столько в том, чтобы найти своих предков – важнее придать этому имени смысл, восстановить изначальное значение, в котором этому имени было отказано. Это тем более важно, если связать этот вопрос с отношением Керуака к своему этническому происхождению и с возможностью анализа этого поиска через призму дискурса о происхождении и этносе.

Как замечает исследователь Р. Вайнрайх, «...согласно этнической семиотике, вначале было имя. Чтобы узнать, кто он такой, жаждущий истины должен понять, откуда произошло его имя. Этнический дискурс – это дискурс оснований жизни» [Weinreich, 1987, с. 81]. Это утверждение перекликается с проблематикой, лежащей в основе ономастического исследования Керуака и его транспонирования в «Легенду». Таким образом, проблема имени заключается в необходимости построить для себя генеалогию, возможно, престижную. Написание легенды в конечном счете можно было бы истолковать как попытку разработать сюжет, стоящий за этим именем, найти историю его происхождения. При этом важно отметить, что, обнаружив свою сущность, заложенную, в фамилии, человек может изменить угол зрения на этнический и начинает осознавать себя как социальный субъект, принадлежащий к определенной общности [там же]. Если сознательный этнический взгляд и точка зрения Керуака и могут быть кем-то опровергнуты, никто не отрицает, что, пытаясь написать историю возникновения имени, писатель неявно и бессознательно осуществляет национально-ориентированный подход к миру своей Легенды.

Как подчеркивает Керуак в зачине романа, он использует свое настоящее имя и полную фамилию, а не литературный псевдоним Дулуоз, чтобы это соответствовало характеру поставленной задачи. Для этого поиска, по-видимому, необходимо приоткрыть завесу и стереть американскую транслитерацию фамилии, чтобы найти ее французские истоки. Первый шаг к такому поиску – штудирование французских газет и поиск письменных доказательств существования родословной, но прежде всего – реальность существования фамилии. Тогда путешествие точно будет сосредоточено на смысле, который и должно раскрыть сатори. Поэтому Керуак отправляется в путешествие, вернее, в турне по парижским и бретонским библиотекам. Дорога приводит его во Французскую национальную библиотеку и Библиотеку Мазарини. Потом

Керуак направляется в библиотеку, La Bibliotque Nationale, просмотреть список офицеров монкальмовской армии в Квебеке 1756 года, а также словарь Луи Морери, и отца Ансельма и так далее, всё что есть о королевском доме Бретани.

Но поиски Керуака оказываются безуспешными, поскольку «немцы разбомбили и сожгли все их французские документы в 1944-м». Уничтожение бумаг – исторический пробел, отрицающий любую возможность вписать имя в историю и прежде всего, подтвердить его подлинность. Однако рассказчику нужно найти эту фамилию для того хотя бы, чтобы проследить ее географическое путешествие. Ему абсолютно необходимо, в любом случае, хоть как-то подтвердить свои исследования. Читатель при этом задается вопросом: что на самом деле мотивирует рассказчика – объект поиска или сам поиск как таковой? На самом деле это исследование является исчерпывающим и длительным творческим квестом, моральным испытанием, которое в конечном итоге выходит за рамки самого романа.

Одним из важных имен для Керуака становится слово «любовь» – он узнал значение этого имени от пожилого туриста, который путешествовал автостопом и которого как-то раз писатель встретил в Сан-Франциско. Тот рассказал Керуаку, что означает слово любовь по-русски в нарицательном смысле. Читатель начинает понимать, что означаемое так же расплывчато, как и означающие. Однако такая неопределенность полезна рассказчику в его литературном проекте, потому что для написания Легенды нужны не столько точные факты, сколько престижные места, люди и даты.

Повествователь черпает факты отовсюду, в своем прошлом, в воображении. Например, когда речь заходит об одной из школьных учительниц Керуака, мисс Динен, он вспоминает, как она писала в своем дневнике:

Нам сказали, что их предки приехали из Франции, и фамилия их была де Керуак. Я всегда чувствовал, что они обладают достоинством и утонченностью аристократии.

Именно в этот момент Керуак выдвигает на первый план проблему, связанную с американизацией его имени Джек. Его раздражает несоответствие между тем, за кого он себя выдает (то есть человека французского аристократического происхождения), и тем, как звучит его имя, ибо Джек как распространенное имя воспринимается не очень аристократично. Писатель лихорадочно ищет хоть какие-то следы той старинной фамилии, следы которой можно было бы проследить на

протяжении любого длительного периода в прошлом:

Я приехал во Францию и Бретань, чтобы разыскать следы своего старого имени, которому около трехсот лет и которое за все это время ни разу не менялось, и кому это надо – менять имя, которое значит просто дом (Ker) в поле (Ouas) [...] Мне просто захотелось понять, почему моя семья так и не изменила своего имени и, кто знает, может тут обнаружится что-то интересное, и можно будет проследить ее историю в прошлом Корнуолла, Бретани, Уэльса, Ирландии, может быть, и ранней Шотландии, так мне кажется, а потом вперед, вплоть до канадского городка на реке Святого Лаврентия...

В конце концов Керуак не только заинтересован в том, чтобы прояснить этимологию своей фамилии «Керуак», но он сам ищет и точное происхождение второй части своей фамилии Лебрис. На этом этапе развития сюжета «этимологическое» путешествие продолжается в Бретани, где постоянно возникают ассоциации между именами и топонимами, и это вдохновляет рассказчика на поиск истинной связи между именем и землей его предков:

...я знаю, что изначально бретонцы назывались бретонами (то есть бретонец – Le Breon), мое второе имя звучит как “Le Bris”, и вот сейчас я нахожусь в городе, называемом “Брест”.

Кажется, всё идет к успешному завершению квеста, но, как саркастично подчеркивает владелец бара в Бресте Фурнье, он скорее покинул бы место, где мог встретиться с Лебрисами всех видов. Тем не менее хозяин заведения же вспоминает некоего человека по имени Улисс де Лебрис, которого он знал, и большинство его предков носили фамилию Лебрис де Лудеак. Его имя – смешение двух фамилий (Лебрис де Керуак и Лебрис де Лудеак), которое создает иллюзию частично успешного поиска. Тем не менее тайна, скрывающая генеалогию и этимологию фамилии, как и прежде, является прекрасным материалом для сочинения мифов и легенд.

Поскольку ономастика стала фундаментом для поиска и одновременно поводом для создания беллетристического произведения, связь между этимологией и генеалогией имени и написанием Легенды становится очевидной. По мере развития сюжета «Сатори в Париже» становится ясно, что мифология, окружающая это имя, важнее его этимологии, о чем свидетельствуют многочисленные литературные аллюзии, разбросанные по всему роману. Несколько раз упоминается фамилия Шатобриана, есть ссылки на фамилии Селина, Вольтера, Бальзака, Паскаля, де Монтерлана, Бретона, Вийона, Стендаля, Гюго, Пруста.

Таким образом, автор заставляет читателя задаться вопросом, не может ли поиск литературных предков быть более важным, чем поиск реальных прародителей. Как объясняет Керуак в четырнадцатой главе, его поездка во Францию была вдохновлена чтением Вольтера, Шатобриана и де Монтерлана. Тень не только французских, но и ирландских писателей сопутствует этому квесту. Например, лестница, используемая для поиска книг на полках Библиотеки Ришелье, о которой упоминает рассказчик, напоминает ему эпизод с падением Финнегана в романе Джойса.

Звучность имени, его коннотация представляют для него больший интерес, чем само имя. Финнеган, как и его усеченная форма Финн, является прямым эхом как «Поминок по Финнегану» Джойса, так и «Гекльберри Финна» Марка Твена. Реальный мотив генеалогических и этимологических поисков выходит на поверхность текста в форме интертекстуальных отсылок. Что на самом деле пытается сделать Керуак – чтобы признали его имя или его литературные достижения? С другой стороны, возникает вопрос: а существует ли вообще тесная связь между именем и творчеством, которая предполагает взаимозависимость одного от другого? Если мы вернемся к вопросу об ономастике и этимологии в связи с объединяющим псевдонимом Керуака в «Легенде о Дулуозе», то заметим, что он так же вписан в литературную мифологию, как и в генеалогические поиски. В самом деле, в «Сатори в Париже» Керуак даже пытается создать связь между этим вымышленным именем и родиной предков, но тщетно:

Я вслепую пытаюсь найти старое бретонское имя Даулас, из которого возникло переделанное Дулуоз, которое смеха ради я придумал в своей писательской юности, чтобы использовать вместо собственного имени в романах.

На самом деле это скорее напоминает некую литературную игру, которую Керуак затевает в романе. Гораздо более важна идея поиска как такового, возможно, даже миф о поиске и эта невероятная одиссея, в которую пускается Керуак, означающая невозможность экзистенциального воссоединения со страной предков. Например, местами писатель говорит о себе как о «маленьком принце Керуаке». Точно также на протяжении всего романа он превращает обычных персонажей, которых встречает, в принцев, подобных мимолетному образу из «Сатори в Париже» некоей «негритянской принцессы из Сенегала», чтобы это соответствовало высокому статусу заявленных поисков. Во многом таким же образом повторяющееся употребление прилагательного *бретонский* становится похожим на неоновую вывеску, мигающую перед взором читателя, которая беспорядочно освещает генеалогические и

географические изыскания. Хотя рассказчик считает, что имя Улисс де Лебрис, упоминание о котором связано с Брестом, каким-то невероятным образом связано с его судьбой, то он сам превращается в своего рода бродячего Улисса «Сатори в Париже», и природа его поисков и написания романа только сгущают туман в этом беллетристическом произведении, стремящемся притвориться документальным. У читателя благодаря этому возникает иллюзия бесконечности поиска, ощущение, что Керуаку предстоит пройти еще несколько испытаний, чтобы довести свое путешествие до конца.

В конце концов авторские отступления Керуака в романе, его исторические и лингвистические комментарии вводят читателей в состояние растерянности, не проясняя цели поиска, который с самого начала мог быть только поводом для творчества. К концу 14-й главы, еще не пройдя и половины пути, рассказчик уже тоскует по дому – пролептический знак, намек не только на то, чем закончатся поиски, но и доказательство того, как человек сам может полностью изменить свои планы в процессе творческих изысканий. Упоминание этого чувства ностальгии позволяет Керуаку еще раз косвенно представить идею сатори в связи с написанием книги:

И всё же эта книга о том, что неважно, как ты путешествуешь, «удачной» ли была твоя поездка, или ее пришлось сократить, ты всегда чему-нибудь учишься, учишься перемене своих мыслей. И, по своему обыкновению, я просто собрал все это в емком и тысячекратно выплеснутом «Вот!»

В этом *вот!* – заключительный взрыв энергии смеха, которая дает основания предположить, что в конце концов это путешествие и поиски могут быть прочитаны как фарс, как грандиозная комедия под названием «Легенда о Дулуозе»,

срежиссированная автором и обманывающая читателя в своих ожиданиях. Независимо от различных интерпретаций, которые рассказчик дает своим именам и фамилиям, они в конечном счете скорее размыывают, чем проливают свет на его поиски. Многочисленные определения писателя, по-видимому, становятся хранилищем означаемого, которым Керуак манипулирует, ибо он, по-видимому, предпочитает устные легенды, окружающие это имя, чем поиск истинного документального доказательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перечисленные в данном исследовании жанровые особенности делают «Сатори в Париже» уникальным произведением. Роман фактически развенчивает миф, созданный Керуаком для себя и своей Легенды. Помимо того, что рассказчик был пьян почти всю дорогу, он представляет себя трусливым бретонцем и в то же время хитрым никчемным канаком [так на жаргоне называли канадцев – С. Т.], в определенной степени обманщиком, плутом, который понимает, что в отличие от Улисса он не возвращается домой мудрее. Для рассказчика так называемое «сатори» на самом деле является осознанием того, что он никогда больше не сможет вернуться домой в метафизическом смысле. Читатель узнает, что поездка могла быть просто предлогом для того, чтобы растратить на нее дивиденды Легенды о Дулуозе и, таким образом, найти какое-то место, если не в истории, то в беллетристическом сюжете, поскольку, по словам Ж. Трюдо, романы Керуака раскрывают невозможность франко-американских писателей вписать себя в историю [Trudeau, 2006]

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарев А. П. «Дядя Ваня» – сказавшаяся пьеса А. П. Чехова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки, 2020. Вып. 9 (838). С. 243–257.
2. Trudeau J. Jack Kerouac's spontaneous prose: a performance genealogy of the fiction: dissertation. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, 2006.
3. Kerouac J. Big Sur. New York: Bantam Book, 1962.
4. Weinreich R. The Spontaneous Poetics of Jack Kerouac: A Study of the Fiction. Southern Illinois University, 1987.

REFERENCES

1. Bondarev, A. P. (2020). «Dyadya Vanya» – skazavshayasya p'esa A. P. Chekhova // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(838), 243–257. (In Russ.)
2. Trudeau, J. (2006). Jack Kerouac's spontaneous prose: a performance genealogy of the fiction: dissertation. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College.

3. Kerouac, J. (1962). Big Sur. New York: Bantam Book.
4. Weinreich, R. (1987). The Spontaneous Poetics of Jack Kerouac: A Study of the Fiction. Southern Illinois University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Толкачев Сергей Петрович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tolkachev Sergey Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor
Professor of the Department of Russian and Foreign Literature
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 12.09.2022
одобрена после рецензирования 10.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 12.09.2022
approved after reviewing 10.10.2022
accepted for publication 14.11.2022